

Институциональные преобразования в контексте устойчивого развития

Тема устойчивости и необратимости процессов институционального развития экономики в нашей стране — очень велика и сложна, но я попытаюсь просто некоторыми штрихами и аргументами обрисовать ситуацию. Несмотря на то что рисунок экономической жизни последних лет довольно сложен, на мой взгляд, в нем так или иначе проявляется достаточно жесткая логика развития, жесткая логика эволюции рыночных отношений в нашей стране. Не секрет (и многие об этом говорят), что и в застойные годы в той или иной мере существовали товарные, рыночные отношения и конкуренция. Но они приобретали довольно странные формы и в "теневой" сфере, и в сфере бюрократического рынка, когда шла торговля уступками в величине плановых показателей и т.д., или, например, натуральным образом, обменивались трубами и другими ресурсами и т.д. То есть, так или иначе, был ли то рынок или проторынок, некоторые товарные отношения существовали и развивались, пусть по своим собственным законам. Постепенно им становилось тесно в той хозяйственно-правовой среде. В какой-то мере именно эти неяркие капиталы стали одним из мощных факторов разрушения прежней системы. В желании построить рынок по западному образцу проявилась не

только воля отдельных политиков или общества, как часто приходится слышать. Здесь проявилась некоторая логика развития предыдущей системы. Именно поэтому сегодня мы имеем значительный бюрократический капитал. Люди, бывшие прежде у власти, сегодня остались в структуре капитала. Это исходная позиция моего выступления и, в соответствии с ней, я хочу поговорить о процессах, которые мы наблюдаем сегодня: приватизации, банкротстве, формировании банковской системы.

Действительно, приватизация, несмотря на все громкие слова, сказанные ее организаторами и участниками, не столько явилась способом перераспределения собственности, сколько проявила и закрепила то неявное распределение, которое существовало до того. В конечном счете, акции приватизированных предприятий оказались в первую очередь у директоров предприятий и (в незначительной мере) у коллективов предприятий. Появилось некоторое количество внешних участников, но далеко не все из них знают, что делать сегодня с этими акциями, потому что вторичный рынок акций еще не создан, он формируется, но очень медленно.

В подтверждение устойчивости, эволюционности развития структуры собственности и капиталов говорит еще и тот факт, что процессы перераспределения собственности (формирование вторичного рынка акций, рынка долговых обязательств и др.) не обеспечены законодательно. Только сейчас обсуждается в Думе закон о рынке ценных бумаг, и есть три его варианта. Впереди первое, второе и третье чтения и этого документа, и документов об инвестиционных ценных бумагах, и др. В целом законодательное обеспечение идет медленно, и пока здесь не будет жестких правил, трудно говорить о формировании рынка стратегических инвесторов, этот рынок будет, скорее, спекулятивным и текущим.

На рынке долговых обязательств происходит то же самое. Существует несколько десятков векселей различных банков, которые оборачиваются на очень узких локальных рынках и пока не приобретают общероссийских масштабов. Ведутся разговоры о введении единого векселя, но пока этот процесс тоже идет очень медленно и перспектив оживления здесь тоже не видно.

Наконец, третий процесс из названных в некотором смысле более активен — я имею в виду банкротство. Законодательные основы его очень слабы. Есть, по-моему, закон 1992 г., сейчас разрабатывается новый закон "О внесении дополнений в законодательные акты в связи с упорядочением ответственности за неправомерные действия при банкротстве". Создана рабочая группа, но сделано очень мало. Поэтому законодательный вакуум заполняется нормативными актами исполнительной власти, в частности постановлениями Федерального управления по делам о несостоятельности (банкротствах), которое само определяет сегодняшнюю практику процедур банкротства, правда, пока только государственных предприятий. Но тут тоже очень много недоработок и противоречий. В частности, по тем критериям, которые определило Федеральное управление по делам о несостоятельности (банкротствах), от 70 до 100% всех предприятий различных отраслей должны попасть в категорию обанкротившихся. Совершенно отсутствуют такие критерии, как

приоритетность, важность предприятий для промышленной политики. В категорию потенциальных банкротов попадают и те государственные предприятия, которые являются как бы структурообразующими для отрасли, без которых она просто исчезнет. Совершенно недемократическим способом устроены процедуры банкротства: в частности, вместо процесса состязательности сторон все решает практически одно Федеральное управление. Кроме того, бюджет Федерального управления поставлен в зависимость от числа банкротов, — в бюджет Госкомимущества идут отчисления и при приватизации предприятий, и при их ликвидации.

Наконец, очень важно, что в самой методике Федерального управления есть только две стороны — государство и данное предприятие. Отсутствуют конкуренты, кредиторы, смежники, банки, которые могли бы взять на себя процедуру санации. В заключение хочу подчеркнуть, что в медлительности происходящих процессов (переструктуризации собственности, капиталов и т.д.) я вижу не только плохую, но и положительную сторону. Система очень инерционна, и поэтому ее эволюция как бы необратима.